

ЭРЕНБУРГ В РУМЫНИИ

А. КЁВАРИ

Известный французский публицист Пьер Кот, поздравляя Илью Эренбурга по случаю семидесятипятилетия со дня рождения, назвал писателя «послом советской мысли и культуры на Западе»¹. И действительно, общественное мнение Европы с начала 20-х годов, то есть с того момента, как автор *Необычайных приключений Хулио Хуренито и его учеников* стал признанным служителем муз, и до последних дней его жизни считало Эренбурга неизменным пропагандистом идеалов Советской страны, одним из компетентнейших, умнейших и беззаветно служащих ей литераторов, запечатлевших правду о ее яви².

К сожалению, подробных сведений о зарубежной (мы имеем в виду прежде всего французскую, итальянскую, английскую и т.д.) критике эренбурговского творчества, особенно беллетристики, довоенного периода по целому ряду причин нам собрать не удалось. В просмотренных нами энциклопедиях, литературных справочниках, историях литератур на названных языках³ или совсем не упоминается имя советского писателя или перечисляются статьи уже о его послевоенных романах и мемуарах или вскользь говорится лишь об Эренбурге-публицисте. Наконец, многие журналы, газеты и другие издания нам оказались недоступны.

Благодаря любезности Любови Михайловны Эренбург нам посчастливилось ознакомиться с архивом покойного автора. Но, с одной стороны, статьи, вырезки из газет, заметки, в которых упоминается имя Эренбурга и

¹ „Les lettres françaises“, 16. II.1966.

² «Гоголь, Чехов и более поздние романисты, каковы Горький и Эренбург, завоевали международную аудиторию...» — замечает Борис Менцель на страницах первомайского номера „La Gazette des Lettres“ за 1948 год. (Личный архив Ильи Эренбурга). Здесь и в дальнейшем все цитаты переведены нами. — А. К.

³ *Dizionario Universale della Letteratura contemporanea*, Arnoldo Mondadori, Editore. Витторио Страда, *Litteratura sovietica 1953—1963*, Рим, 1964. *Petit Larousse*, Париж, 1965. *Histoire générale des Littératures*, sous la direction de Pierre Gioan, Париж, 1961. *Histoire de la littérature russe des origines à nos jours*, Париж, 1965. *The Columbia — Viking Desk Encyklopedia*, Изд. 2-е, Нью-Йорк, 1960. Г. Борланд, *Soviet literary Theory and Practice during the first Five-year Plan*, Нью-Йорк, 1950. Марк Сломин, *Soviet-Russian Literature. Writers and Problems. 1917—1967*. Нью-Йорк, 1967.

которые писатель тщательно собирал, относятся только к периоду начиная с 1947 года (известно, что при бегстве из оккупированного Парижа в 1940 году пропал весь его личный архив), а, с другой стороны, опись и упорядочивание имеющихся материалов только начаты.

Следует добавить, что в наших библиотеках новейших чешских, польских, венгерских и пр. энциклопедий, словарей или справочников, которые помогли бы нам в собирании нужного материала, не оказалось. Поэтому мы вынуждены были зачастую довольствоваться случайными статьями, сборниками и пр. Справочники о советской литературе за рубежом (в том числе и составленный Т. Балашовой) об Эренбурге дают только иллюстративные сведения.

Не опасаясь упреков в нескромности, позволим себе заметить, что многие из с трудом собранных материалов не оправдали усилий и времени, потраченных на их розыски.

Итак, эти страницы об откликах на личность и творчество Эренбурга в зарубежной критике представляют собой лишь некоторые наброски, возможно, не всегда самые удачные.

Эренбург-публицист, Эренбург-романист стал известен в кругах европейской интеллигенции еще в первой половине 20-х годов, и нередко для многих, особенно в последующие десятилетия, его сочинения оказывались решающими для формирования представлений о Советском Союзе, о его борьбе за торжество социалистических идеалов¹.

Представление о популярности Эренбурга за пределами СССР, в Европе третьего и четвертого десятилетий нашего века легко себе составить на основании некоторых, хотя бы выборочных, данных. Первый роман Эренбурга *Хулио Хуренито* через год после его появления на русском языке был издан на немецком, а в 1924 году переведен на французский, двумя годами позже на итальянский (книга вышла при режиме Муссолини), на испанский языки (на испанском она издана в Мексике). *Тринадцать трубок*, *Любовь Жанны Ней*, *В Проточном переулке*, *Рвач*, *Бурная жизнь Лазика Ройтшванца* и книги очерков: *Спичечный король*, *Обувь*, *Акционерное общество «Европа»* и др. — почти сразу же были переведены, прежде всего на немецкий, многие на французский, а некоторые и на другие европейские языки. В этом отношении не менее повезло и книгам *День второй* и *Не переводя дыхания*. В 1928 году знаменитый австрийский режиссер Пабст поставил кинокартину по роману *Любовь Жанны Ней*. Красноречивая деталь: книги Эренбурга ещё в 20-е годы оказались доступны мировому читателю не только в переводах на ведущие европейские языки, они стали переводиться и на языки «малых» народов. Так, например, еще в третьем десятилетии на чешском языке появились *Тринадцать трубок*, *Трест Д. Е.*, *Хулио Хуренито*, *Лето 1925 года*. В том же десятилетии в польских переводах, помимо ряда очерков, были изданы фрагменты из *Хулио Ху-*

¹ Прочитав *День второй*, Ромен Роллан написал Эренбургу, что этот роман «помог ему лучше узнать советскую молодежь» (*Люди, годы, жизнь*. И. Эренбург, *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 8, стр. 612). В этом же плане показательное свидетельство французского журналиста Жильбера Ашера, который, на страницах „Climats“ от 17 февраля 1957 года, делясь своими впечатлениями об Алжире, между прочим отмечает: «... местные студенты читают Карла Маркса, Ленина и Илью Эренбурга» (Архив Ильи Эренбурга).

ренито, романы *Жизнь и смерть Николая Курбова*, *Любовь Жанны Ней* и отдельные рассказы из *Тринадцати трубок*. Тогда же увидели свет в венгерских изданиях *Любовь Жанны Ней*, *В Проточном переулке*, *Тринадцать трубок* и ряд очерков. В тридцатые годы вышли на болгарском языке *Тринадцать трубок*, *Любовь Жанны Ней*, *День второй*. В этот же период появляются и первые румынские переводы эренбургских произведений. О популярности Эренбурга в странах Восточной Европы говорят и такие статистические данные: в Болгарии, например, за десятилетие с 1924 по 1934 гг. было переведено тринадцать заглавий горьковских произведений, за тринадцать лет (1927—1940) было опубликовано девять книг А. Толстого, а всего за три года (1933—1936) — шесть переводов из Эренбурга.

В годы второй мировой войны его публицистика гремела по всему миру. Читателям она была доступна на русском, английском, немецком, испанском, французском языках. Романы *Падение Парижа*, *Буря*, *Девятый вал* переводились и читались повсюду. Наконец, эренбургский шедевр *Люди, годы, жизнь* стал всеобщим достоянием на всех меридианах земного шара почти одновременно с появлением отдельных его книг на страницах журнала «Новый мир».

С уверенностью можно сказать, судя хотя бы по его изданиям на разных языках, что Эренбург был и остается одним из известнейших и популярнейших во всем мире современных советских писателей.

Эренбург вместе с тем неизменно находился в поле зрения публицистики и литературной критики Запада. В зарубежной печати, начиная с предисловия Пьера Мак Орлана к первому французскому изданию романа *Хулио Хуренито* (он рекомендовал книгу как оригинальный, остроумный, пропитанный французским духом пикареск) и кончая «коварным» некрологом Алдена Уитмана на страницах «Нью-Йорк Таймс», при всем внешне широком диапазоне, четко размежевались защитники и противники советского писателя. Речь идет именно о советском писателе, об *ambassadeur de la culture soviétique*, если воспользоваться определением Пьера Кота или Витторио Страды¹, ибо именно этот аспект предопределил отношение к Эренбургу прессы и литературоведов, а личность, индивидуальность писателя отодвигались на второй план. Здесь следует искать объяснение преобладающего интереса западной критики к моментам «что» и «почему» и в меньшей степени к тому «как». В этом секрет многих парадоксальных ситуаций, создававшихся вокруг имени Эренбурга. Словацкий литератор-коммунист Золтан Фабри в 1929 году одобрительно отзываясь об авторе *Хулио* — «крупнейшем советском писателе»², а сотрудник «Роте Фане», по свидетельству самого Эренбурга, в 1931 году заявил ему: «Ваш *Хуренито* — безобразная книга, не понимаю, как могли ее издать в Москве. Когда мы придем к власти, у нас такого не будет»³. В „Le Libertaire“ от 9 июня 1948 года читаем: «У восточных деспотов есть свои визири, свои янычары и дворцовые евнухи (среди последних можно назвать

¹ Витторио Страда, *Цит. книга*.

² Более подробно см. ниже.

³ И. Эренбург, *Собрание сочинений в девяти томах*, т. 8, стр. 405.

Илью Эренбурга, лауреата Сталинской премии за литературу ...)»¹. А в не менее известном «Нью-Йорк Таймс» Алден Уитман, которого трудно заподозрить в симпатиях к советским писателям, говорит о неконформизме Эренбурга по отношению к послевоенному «коммунистическому режиму» (упомянутый некролог). В то время как в социалистических странах Эренбурга, подчас преувеличивая, превозносят как крупнейшего романиста XX века², по определенным идейным соображениям французский литератор Нино Франк, старый знакомый писателя, уважающий Эренбурга-человека, блестящего собеседника, весьма скептически, даже с пренебрежением, отзываясь о его художественных произведениях, считая их неглубокой публицистикой³.

Даже беглое ознакомление с зарубежной критикой подкрепляет нашу уверенность в том, что советский писатель, всегда находившийся на линии огня в борьбе двух культур, рассматривался и оценивался и левой и правой прессой на разных этапах своей пятидесятилетней литературно-общественной деятельности прежде всего как представитель новой, советской идеологии, как живое воплощение настроений интеллигенции Советского Союза. И подход к нему зависел от конкретных требований данной общественно-политической конъюнктуры.

В Третьем Рейхе об Эренбурге как о писателе не упоминали, о нем говорили только как об идейном враге⁴. А для Арагона⁵, Лану,⁶ Вюрмсера⁷ Эренбург остается прежде всего страстным советским патриотом, всем сердцем полюбившим Францию, борцом за мир, за торжество человечности и подлинно гуманистической культуры. В одном мнения сходятся. И друзья, идейные соратники, и недруги (к Эренбургу мало кто относился с безразличием) признают большую культуру, разносторонность знаний, широкую осведомленность, тонкость интеллекта, остроту ума советского литератора.

«Историческая, а также литературная и политическая культура этого писателя, который не состоял членом коммунистической партии, была поистине фантастической. Я не встречал другого человека со столь обширными познаниями», — писал Арман Лану⁸. Приблизительно так же отзываясь о нем Витторио Страда: «Интеллект Эренбурга — креольский; творческая оду-

¹ Архив Ильи Эренбурга.

² См., например, предисловие Ивана Пауновски «За автором за този роман» в кн.: Илья Эренбург, *День втора*, София, 1967: «Нет такого литературного вида и жанра, в котором он не оставил заметного следа...», или редакционные заметки к венгерскому изданию *Падения Парижа*: «Почти шекспировское знание глубин человеческих отношений, едва ли не бальзаковское и толстовское воспроизведение исторической атмосферы и боевая, гуманистическая позиция писателя-коммуниста XX века — вот главные признаки художественного творчества Эренбурга», *Párizs bukása*, Будапешт, 1954, р. 582.

³ Нино Франк, *Memoire brisée (Le bruit parmi le vent)*, Париж, 1968.

⁴ «Подчиненные Геббельса, — писал Жан-Ришар Блок, — относят Илью Эренбурга к числу врагов № 1. Он стал для них своего рода наваждением. Не проходит почти недели, чтобы кто-либо из столпов гитлеровской радиопропаганды не пытался обрушиться на него с самой свирепой агрессией» (Журнал «Славяне», № 2, 1945, стр. 40).

⁵ „Les lettres françaises“, nr. 1198, 1967.

⁶ „Le Figaro Littéraire“, nr. 1117, 1967.

⁷ „Les lettres françaises“, 30.XII.1948.

⁸ Арман Лану, *Ilya Ehrenburg n'a pas connu la terre promise*, „Le Figaro Littéraire“, nr. 1117, 1967.

хотворенность огромна, однако она в значительной мере подчинена критическому складу, самобытное вдохновение — трудолюбию публициста, политическое раздумье — политическому действию¹. Мнения Луи Арагона и Пьера Кота не расходятся с приведенными. Вместе с тем единодушно признается его блистательный публицистический талант. «Эренбург — самый выдающийся журналист Советского Союза»², — пишет о нем Рикардо Пьеккио. Пьер Гамарра называет его «грозным когтем памфлетиста»³. «Едкий, как серная кислота», — как бы дополняет Алден Уитман. В свою очередь Пристли в 1943 году восторгался лишенной дешевых пропагандистских приемов, наминающей документальную повесть публицистикой Эренбурга⁴.

Когда речь шла об Эренбурге-публицисте, критики были почти единодушны в признании его сатирического таланта⁵. Даже Нино Франк пишет о Хулио Хуренито как о «лучшем из его пикаресков». Историк литературы Клод Фриу отмечает: «В начале двадцатых годов другой жанр охотно культивируется интеллигентами, которые еще интересуются ценностями аллегорической, философской и космополитической фантазий. Эренбург... наиболее талантливо представляет их в своих *Похождениях Хулио Хуренито*»⁶.

Как автор «геронко-романтических» романов 30-х годов Эренбург завоевал признание самых разных людей — от Вандервельде, босса бельгийских социал-соглашателей⁷, до самых ярких немецких пролеткультовцев⁸, вызывая одновременно неприязнь, насмешки и даже откровенное зубоскальство буржуазной прессы.

Романы Эренбурга 40—50-х годов в коммунистической печати оцениваются как великолепный пример нового, многопланового, полифоничного, социально-политического романа⁹, а в буржуазной критике или вызывают лаконичные, сухие констатации о тяготении писателя к социальной тематике (Рикардо Пьеккио, Клод Фриу), или рождают едкие, презрительные замечания, вроде заявления Франсуази Соваж: Эренбург «... специализировавшийся на культурной борьбе против прогнившего и декадентского Запада»¹⁰.

В зарубежной критике об Эренбурге мы нередко обнаруживаем интересные, тонкие замечания, касающиеся его литературного или публицистического

¹ *См. книга*, стр. 181.

² *Dizionario Universale della Letteratura contemporanea*, Arnoldo Mondadori Editore.

³ Пьер Гамарра, *Ilya Ehrenburg — un grand témoin de notre temps*, „L'Humanité“, 2.IX.1967.

⁴ И. Б. Пристли, *Introduction to I. Ehrenburg, Russia at War*, Лондон, 1943.

⁵ Исключение составляют лишь некоторые пролеткультиствующие немецкие критики 20-х годов. См. Г. Флигге, *Sowjetische Literatur in der kommunistischen deutsche kritik*, „Zeitschrift für Slawistik“, I Band XVIII, Берлин, 1968.

⁶ Клод Фриу, *Littérature soviétique de 1917—1945*, „Histoire générale des Littératures“, Париж, 1961, том III, стр. 225.

⁷ По поводу романа *День второй* Вандервельде писал: «Так, несмотря на все, этот народ идет по грязи, по снегу к звездам. Самая законная из всех революций дала ему веру и надежду — чудодейственное обновление социальной жизни» (И. Эренбург, С. с., т. 9, стр. 58).

⁸ Г. Юнгер, *Menschenbild und Entwicklungstendenzen in der Sowjelliteratur*, „Zeitschrift für Slawistik“, I Band XVIII, 1968.

⁹ См. например, статьи: Шомльо Дьердь, *Gondolatok Ehrenburg új regényéről*, „Irodalmi újság“, nr. 25, 1953.; М. Новиков, *O operă literară în slujba Păcii*, „Scinteia“, nr. 2978, 1954.

¹⁰ „Paroles françaises“, 9 IX.1949 (Архив Ильи Эренбурга).

кого мастерства. Наконец, следует отметить, что в появившихся за рубежами СССР отдельных сочинениях или в статьях «по поводу» встречаются любопытные зарисовки внешнего портрета или штрихи духовного облика Эренбурга-человека, друга, собеседника, гостеприимного хозяина, оппонента-трибуна¹. На этих страницах, а их немало, перед нами вырисовывается фигура подвижного человека, с лицом до времени постаревшим, но с искорками вечной молодости в глазах, портрет собеседника то веселого, то ироничного, но неизменно излучавшего волны живой, глубокой, выстраданной нелегкой жизнью и кропотливым трудом мысли.

В широкие координаты европейской критической мысли, лишь в самых общих чертах намеченные нами, естественно вписывается и складывавшееся на протяжении десятилетий представление румынской общественности о видном советском литераторе.

Проникновение Эренбурга в нашу страну, знакомство румынского читателя с его сочинениями происходит, по всей вероятности, еще в конце 20-х годов через посредство французских, немецких и венгерских переводов его произведений². Наше предположение основывается на следующем. В 1928 году в шестом номере журнала „Когунк“³ публикуется под названием *Трубка* Е.Х. один рассказ из *Тринадцати трубок*, а еще раньше, в майском номере того же журнала за 1926 год, в статье Сомы Брауна *Новый русский роман*, уже упоминается имя Эренбурга. В серии „Lectura, floarea literaturilor străine“, изд. „Adevărul“, Бухарест, в 1929 году вышло в переводе Е. Маргита эренбурговское сочинение *Dragostea e furtună*, а в переводе Мирона Савина, через год, там же увидела свет *Трубка коммунара*. Первые рецензии на очерки Эренбурга в „Viața Românească“⁴ написаны на основании немецких переводов. А как известно, *Визе времени* и *Рождению автомобиля* предшествовали другие переводы на немецкий (*Хулио Хуренито*, *Тринадцать трубок*), по всей вероятности, уже в конце двадцатых годов циркулировавшие в определенных кругах интеллигенции нашей страны.

Для подтверждения нашей гипотезы сошлемся на статью С. Иосифеску⁵, в которой упоминаются эренбурговские сочинения 20-х годов, например, *Хулио Хуренито*, как вещь хорошо известная, а ведь роман переводился на французский язык еще в 1924 году (вариант, доступный критике) и вряд ли попал

¹ См. Нино Франк, *Memoire brisée*; Арман Лану, упомянутая статья; некрологи Эльзы Триоле и Луи Арагона в „Les lettres françaises“, 6—13 сентября 1967; интервью 1945 г. Иона Витнера и 1966 г. Тома Джордже Майореску; интервью, опубликованное в «Плэмя», № 10, 1967.

² Джо Шербан в статье *Gorki, Maiakovski, Ehrenburg și primele lor mesaje la noi*, „Viața Românească“, № 10, 1956, а также Татьяна Николеску в статье *I. Ehrenburg*, „Viața Românească“ № 10, 1967, полагают, что знакомство произошло только в четвертом десятилетии.

³ Общественно-политический и литературно-художественный журнал левой политической ориентации, выходивший в Клузе на венгерском языке и имевший под редакцией в Югославии и Чехословакии.

⁴ Паул Зарифопол, *Un rus în călătorie*, „Viața Românească“, XXII (1930), nr. 1—3.; Паул Зарифопол, *I. Ehrenburg — Das Leben der Autos*, „Viața Românească“, XXIII (1931), nr. 4.

⁵ С. Иосифеску, *Ilya Ehrenburg și sensul literaturii noi*, „Era nouă“, I. 1936, nr. 2.

в Румынию лишь в 30-е годы (насколько нам известно, до войны не было второго французского издания).

Но безусловно прав Раду Шербан, утверждая, что после 1930 года «самым известным советским прозаиком у нас был, по-видимому, Эренбург»¹. Эту широкую известность он приобрел и благодаря публикации его статей и очерков и благодаря популяризации его творчества именно в 30-е годы. Между прочим, удачливому репортеру „Cuvîntul liber“ посчастливилось проинтервьюировать в Орадии бывшего там проездом писателя². До второй половины тридцатых годов не один из известных очерков советского публициста нашел свое место на страницах нашей столичной печати. „Adevărul literar și artistic“ в № 646 за 1933 год помещает очерк *Spania. Zgîrie norii și împrejurimile*—своего рода миниатюрный испанский калейдоскоп. Там же в 1936 году (№ 779) публикуется волнущая эпопея астурийских рабочих под заглавием *Spania*, тоже подписанная Эренбургом. „Reporter“ (№ 23, 1934 г.) воспроизводит эренбурговское свидетельство о героической борьбе шуцбундовцев *Războiul civil în Austria*.

В румынской прессе на венгерском языке только в одном „Kotunk“ в течение тридцатых годов увидели свет следующие сочинения Эренбурга: *Спички* (№ 5, 1930), *Обувь* (№ 4, 1932), *Испания. 1931-1932* (№ 9, 1932) *Хорст Вессель* (№ 5, 1933), отрывки из *Не переводя дыхания* (№ 3, 1936).

Публикация переводов и, как будет видно из дальнейшего, статей об Эренбурге еще с двадцатых годов в румынской печати прежде всего на венгерском языке объясняется тем, что передовые и вообще левые круги венгерской трансильванской интеллигенции поддерживали тесные связи с венской и чехословацкой политэмиграцией. Благодаря этому они располагали не только новейшей информацией, но и самими произведениями, главным образом в немецких переводах, советской литературы вообще, и в частности были хорошо осведомлены о творчестве такого популярного в те годы в названных центрах писателя, каким был Эренбург. Распространение эренбурговских произведений и появление большого количества статей о них во всей румынской печати с начала 30-х годов связано уже с подъемом антифашистской борьбы, о чем свидетельствует даже сам дифференцированный выбор очерков Эренбурга: об Испании, форпосте борьбы с фашизмом.

Судя по перечисленным произведениям, появление публицистики Эренбурга на страницах румынской печати было политическим актом, служило делу борьбы передовых, демократических кругов румынской общественности. Публицистика советского писателя оказалась рупором идеалов первой в мире социалистической страны.

Итак, в период между двумя мировыми войнами в Румынии читатель имел довольно широкую возможность познакомиться с публицистикой Эренбурга на своем родном языке³, а вот его беллетристические творения почти

¹ „Viața Românească“, № 10, 1956, стр. 170.

² „Cuvîntul liber“, nr. 20, 1934.

³ Статьи и очерки советского писателя переводились и публиковались в основном в первой половине четвертого десятилетия, вплоть до 1937—1938 гг., годов, намечающих усиление политической ориентации Румынии вправо.

совсем не переводились¹. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что передовая румынская интеллигенция, то есть та публика, которая интересовалась зарубежной литературой, в частности советской, в общей массе своей владела французским языком. А так как ввоз книг из Франции в Румынию был хорошо налажен, она имела возможность читать новинки, в том числе и эренбургские произведения, во французских переводах.

Прогрессивная общественность Румынии в межвоенный период в основном познакомилась с творчеством советского писателя-публициста через газетные комментарии и литературную критику тех лет, пристально следившую за творчеством Эренбурга и считавшую своим долгом осведомлять читателя о том, что выходило из-под его пера.

Первые отклики на произведения Эренбурга мы встречаем на страницах журнала „Korunk“ в 1926 году. Речь идет пока об упоминании его имени при перечислении художников слова Советской России². В 1928-1929 годах в том же журнале публикуются рецензии — на основании немецких переводов — на роман *Рвач* и на повесть *В Проточном переулке*³.

Первая статья, набрасывающая в общих чертах профиль Эренбурга⁴, принадлежит перу Золтана Фабри⁵, лично знакомого и неоднократно встречавшегося с советским литератором.

В бухарестской прессе впервые на страницах „Viața Românească“ в 1930 году появляются за подписью Паула Зарифопола рецензии на очерки Эренбурга *Виза времени* и *Десять лошадиных сил*⁶. В межвоенный период самыми интересными, ценными для нас откликами на эренбургское творчество оказались статьи С. Иосифеску *Ilya Ehrenburg și sensul literaturii noi* (Илья Эренбург и смысл новой литературы) и Георге Дину Carteя „Zina a doua a fațerii“, *rotăniul elanului noi de Ilya Ehrenburg* (Книга «День второй» — роман нового взлета Ильи Эренбурга).

Каким же предстал Эренбург перед румынской общественностью на страницах румынской критики? За редкими исключениями⁷, его характери-

¹ Исключение составляют отрывок из *Мольбы о России* в переводе Хории Петре Петреску, напечатанный в „Țara Birsei“ № 3, 1935 (VII), и *Трубка коммунара* в переводе Мирона Савина, изд. „Adevărul“ Бухарест, 1930, серия „Lectura, floarea literaturilor străine“.

² Сома Браун, *Az új orosz regény* (Новый русский роман), „Korunk“ № 5, 1926.

³ Антал Янош, *Az egyén csödéje* (Крах индивидуума), „Korunk“, № 3, 1928; Дьердь Санто, *Az új szociális regény* (Новый социальный роман), „Korunk“ № 7—8, 1928; Е. В. Аз új Oroszország elbeszélő művészete (Художественная проза новой России), „Korunk“, № 2, 1929; А. Е., *A Moszkva folyó utcája* (В Проточном переулке), „Korunk“, № 2, 1929.

⁴ Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom* (Новая явь — новая литература), „Korunk“, № 3, 1929.

⁵ Публицист, прозаик, поэт-коммунист, живший в Словакии и писавший на венгерском и словацком языках. Ответственный редактор филиала «Korunk» в Чехословакии, один из самых крупных в то время знатоков советской литературы, компетентный ее толкователь. Говоря о его критике, мы попутно освещаем и позицию словацкой левой литературной общественности по отношению к Эренбургу.

⁶ П. З. *Un rus în călătorie* (Русский в путешествии), „Viața Românească“, XXII (1930), № 1—3.

⁷ Лишь у Сэтяну мы нашли такое заявление: «Вторая группа писателей-контрреволюционеров — это покинувшие родину: И. Бунин, Данченко, Алданов, Пастернак, Эренбург и другие...» К. Сэтяну, *Ceva despre noua literatură rusă* (Что-то о новой русской литературе), „Adevărul literar și artistic“, XV, seria II, № 789, 1936.

зовали как одного из виднейших представителей советской литературы, отражающего новую социалистическую действительность¹. Некоторые критики как, например, некто, подписавшийся инициалами К. М.², говоря о вершинах советской литературы, рядом с именами А. Толстого и В. Маяковского ставят Илью Эренбурга. Но в то время, как большинство из них ограничивается подобными констатациями общего характера, литераторы-коммунисты и примыкающие к ним не только дают эстетические оценки, но высказываются и по поводу идейно-политической ориентации Эренбурга. Янош Антал в упомянутой статье пишет: «Отношение Эренбурга к революции — это отношение человека, понимающего и любящего ее, но отдающего себе отчет в том, что пока для него она не своя»³. Золтан Фабри в свою очередь высказывает следующее соображение: «Эренбург не писатель-эмигрант, каким многие желали бы его видеть; Эренбург — бродяга в мире сем, что, между прочим, в конечном итоге не что иное, как скрытое бегство. Это уход в цинизм любовника мертвой Европы, чтобы не надо было в качестве простого труженика-документалиста подтверждать серость новой действительности»⁴. Два года спустя тот же Фабри возвращается к своей метафоре, дополняя её: Эренбург «с красочным цинизмом до смерти заласкивает» капиталистическую Европу⁵. В связи с *Визой* времени, точнее, с путевыми очерками о Словакии, он выражает свое недовольство идейно-политической направленностью эренбурговских сочинений⁶. Сравнивая очерки советского писателя с путевыми заметками Людвига Ренна, он приходит к выводу, что, не в пример немецкому писателю-коммунисту, у Эренбурга нет боевой, социалистической целеустремленности (раньше в этом же смысле, тоже не в пользу автора *Хулио Хуренито*, Фабри ссылаясь на очерки Ларисы Рейснер⁷). Лишь после появления романа *День второй* критик смягчается, сочтя, что Эренбург наконец нашел себя, вошел в колею социалистической литературы⁸.

В связи с тем же романом, Г. Дину, вся статья которого носит ярко выраженный полемический и антифашистский характер, говорит об авторе *Дня второго* как о революционере-миссионере. В ретроспективном обзоре творческого пути советского писателя С. Иосифеску (см. упомянутую статью) также дает идейную оценку. В связи с *Хулио Хуренито* он говорит об «истинно меланхолическом анархизме», а романы периода нэпа считает вещами, отражающими моральную депрессию автора. Апогей творчества критик видит в романах 30-х годов, свидетельствующих, по его мнению, о полной интеграции

¹ «Популярнейший и известнейший русский писатель наших дней, несомненно, Илья Эренбург». Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom*, „Korunk“, № 3, 1929, стр. 200.

² К. М., *A husz éves új orosz irodalom (Двадцатилетие новой русской литературы)*, „Korunk“, № 2, 1937.

³ Янош Антал, *Az egyén csödjé*, „Korunk“, nr. 3, 1928, стр. 236.

⁴ Золтан Фабри, *Új valóság — új irodalom*, „Korunk“, nr. 3, 1929, стр. 200.

⁵ Золтан Фабри, *Regény és valóság (Роман и действительность)*, „Korunk“, № 12, 1931, стр. 913.

⁶ Золтан Фабри, *Utazások (Поездки)*, „Korunk“ № 9, 1932.

⁷ Члену чехословацкой компартии в годы ожесточенных классовых боев, естественно, были не по душе ноты лиризма, местами умиленности, при описании словацких крестьян, живших в нищете и духовной темноте.

⁸ Золтан Фабри, *Pozitív elojellel (Под положительным знаком)*, „Korunk“ № 1, 1934.

Эренбурга в новую, советскую действительность. В том же духе высказывается поэт-эссеист Шандор Корвин в третьем номере журнала „Korunk“ за 1936 год.

Как явствует из вышесказанного, статьи и рецензии, опубликованные в нашей прессе между двумя мировыми войнами, в плане идейной оценки творчества Эренбурга нередко перекликаются с некоторыми оценками советской критики 20-х годов. Это объясняется, как нам думается, определенным сходством идейно-политических стремлений, революционно-романтическим настроением советской и левой или откровенно коммунистической румынской критики, а ни в коем случае не заимствованием у советских литераторов, доступ к которым у нас практически был закрыт.

На страницах румынской печати межвоенных лет встречаем подчас даже удивляющие нас сегодня своей меткостью, емкостью замечания о специфике таланта и психологии творчества Эренбурга.

В противовес большинству советских критиков 20-х годов, недооценивающих повесть *В Проточном переулке*, критик „Korunk“, подписавшийся А. Е., делает тонкое наблюдение, которое, как нам представляется, вносит ясность в один долго и много дебатировавшийся аспект творческой манеры Эренбурга: «Эренбург втайне всегда был очень чувствителен. В первых своих сочинениях — чрезвычайно завуалированно. В них нежность любящего сердца прикрыта романтической иронией и нарочитым цинизмом»¹.

Исключительно интересны мысли тонкого знатока психологии творчества, проникательного ценителя поэтических дарований С. Иосифеску: «Эренбург по духовной филиации восходит к Вольтеру и Анатолу Франсу. Его творчество являет собой великолепный пример гармонического сочетания нервного и взволнованного революционного романтизма с классической уравновешенностью и ясностью. Одаренный острым умом и в силу своего синтетического психического склада равно враждебный преувеличениям и раболопной рутине, он был среди советских писателей тем, кому дано проложить путь новой литературы»².

Отдельные положения С. Иосифеску перекликались или же нашли особое развитие в «ювелирных» комментариях З. Фабри, П. Зарифопола, Г. Дину и других.

В их рецензиях упор делается на блеск игривого интеллекта писателя³, на šťastливое слияние проникательного ума с «божьем даром» лепки образа.

В критике 1929-1937 годов нет недостатка и в тончайших характеристиках публицистического стиля Эренбурга. В размышлениях о *Визе времени* и *Рождении автомобиля* находим у П. Зарифопола такие, например, весьма емкие строки: «Эренбург восхитительно тороплив. В этой торопливости — безостановочная игра мыслей, образов, впечатлений, великолепная своей необычностью возбужденность, путаница, иногда притворная, иногда действ-

¹ А. Е., *A Moszkva folyó utcája (В Проточном переулке)*, „Korunk“, nr. 2, 1929, стр. 155.

² *Цит. статья*, стр. 119.

³ Не случайно Ал. Октавиан озаглавил свою рецензию *De la Heinrich Heine la Ilya Ehrenburg (От Генриха Гейне до Ильи Эренбурга)*, „Şantier“, II, nr. 7, 1934. Эту сторону таланта писателя имел в виду и Сэтяну, когда писал: «Писатели-юмористы..., как известно, гениальный Эренбург и М. Зоценко...» (*Цит. статья*).

вительная и неизбежная, всегда очаровательная, и аффектация хладнокровия и действительное хладнокровие, и прелестная насмешка над всякого рода чувствительностью»¹.

Любопытно, во-первых, что в нашей печати исследуемого периода встречается, пожалуй, больше откликов на беллетристику Эренбурга 20-30-х годов, чем на его очерки и эссе, а ведь преимущественно они публиковались в Румынии, и, во-вторых, что пропорционально их больше, чем в советской критике. Так, о романе *Рвач* в одном только „Когунк“ пишут Янош Антал (его разбор романа кажется нам самым удачным из всего, что нам довелось читать по этому поводу), Дьёрдь Санто, Золтан Фабри. Появились специальные рецензии на *В Проточном переулке* и на *Любовь Жанны Ней*, не говоря уже о частых ссылках на эти романы в статьях Иосифеску, Золтана Больяи и других. Особо пристального рассмотрения удостоились эренбурговские романы 30-х годов *День второй* и *Не переводя дыхания*². Так же, как советские, румынские критики усматривают в появлении этих двух последних сочинений в т о р о й день творчества писателя, считая их новым достижением на путях расцвета социалистической литературы.

Не будет преувеличением, с нашей точки зрения, утверждать, что румынская критика 20-30-х годов интересна не только потому, что дает представление о реакции на творчество советского писателя его современников в Европе, но и потому, что вносит существенный вклад в создание научно-аналитической эксегезы и творческого пути Эренбурга в целом и его отдельных моментов.

По окончании второй мировой войны Эренбург, страстный голос которого проникал к нам и в годы кровавой бойни, устроенной фашизмом, стал в Румынии одним из самых популярных советских писателей.

Еще в 1944 году бухарестское издательство „Fogum“ выпускает в переводе И. Лудо *День второй*, а несколько месяцев спустя, в начале 1945 года, — *Падение Парижа* в переводе Лучии Косма и Владимира Солодухина. За первые три года после Освобождения румынские читатели получили, помимо разрозненных публикаций стихов и статей автора Хулио, шесть отдельных изданий его художественных и публицистических сочинений. Мотивы огромного интереса, небывалого — во всяком случае в истории переводов русских советских писателей — масштаба издания эренбурговских произведений в Румынии, на наш взгляд, двоякие. С одной стороны, мы бы сказали, это субъективные причины: Эренбург оказался первым из всемирно известных советских писателей, установившим еще в 1945 году непосредственный, живой контакт с румынской общественностью. С другой стороны, и это, пожалуй, главное, в условиях только что отпылавшего мирового пожара его слово — и об этом свидетельствует признание М. Садовяну, относящееся к 1945 году, — оказалось созвучным заветным устремлениям румынской передовой интел-

¹ Паул Зарифопол, *Un rus în călătorie (Русский в путешествии)*, „Viața Românească“, nr. 1—3, XXII (1930) стр. 42.

² Появление в течение трех лет пяти рецензий специально на эти книги и еще двух-трех статей, в которых имеются обширные ссылки на них, свидетельствует об огромном интересе к писателю, запечатлевшему в названных романах героические будни советских людей.

лигенции: «Человечность и мягкость, сочувствие обездоленным жизнью — вот призвание этого посла интеллигенции, которая в течение века не переставала бороться и жертвовать собой»¹. Эренбург, всемирно известный общественный деятель, стал с в о и м в Румынии, и с 1948 года все его крупные художественные произведения неизменно украшали витрины книжных магазинов.

В 1955 году вышел в свет первый том запланированного Собрания сочинений в пяти томах. Постепенно появлялись и некоторые довоенные романы писателя: *Заговор равных*, *Не переводя дыхания*, из которых последним по счету был *Хулио Хуренито*. Наконец, была переведена на румынский язык и издана книга *Люди, годы, жизнь*. На страницах ежедневной печати и литературной прессы мы часто встречаем образцы эренбургской лирики, вошедшей также и в различные сборники стихов. Переводы ее осуществлены преимущественно известным поэтом Виктором Тулбуре.

По числу переводов на румынский язык Эренбург относится к советским художникам слова, наиболее полно представленным нашей публике. Что касается качества переводов, то хотя мы не ставили целью конкретное рассмотрение данной проблемы, все же позволим себе сделать общее замечание: они весьма неравноценны. Самыми удачными кажутся нам переводы романа *Заговор равных* и некоторых рассказов из цикла *Тринадцать трубок*.

Интерпретация эренбургского творчества в Румынии после 1944 года в основном приобретает формы рецензий на появляющиеся переводы, размышлений и впечатлений от встреч, высказываний по поводу юбилейных дат и т.п.

Многие корифеи современной румынской литературы и культуры сказали свое слово об Эренбурге. Напомним великолепную характеристику писателя-подвижника, принадлежащую М. Садовяну: «Его голос идет от жертвенности русской интеллигенции, которая для нас, румынских интеллигентов, должна служить примером»².

Яркой образностью и силой синтетического видения отличается медальон Т. Аргези, из которого приведем лишь конец: «Пламенное, утонченное и страдающее, его перо снимает покровы с заката разложившегося мира и уносится к надеждам нового, едва вчера родившегося»³.

Глубокой и искренней скорбью проникнуты слова некролога, подписанного именем Джео Богзы: «Голос Ильи Эренбурга — трагического орла...»⁴.

Профессиональная критика в большинстве случаев обращается к конкретным произведениям, хотя между строк, попутно намечает ведущие черты писательского облика. Начиная с первого интервью, взятого у Эренбурга И. Витнером⁵, фигура писателя-общественника представала на страницах румынской критики как живой образец, пример боевого, партийного, взрослого в современность литератора нового типа.

¹ Михаил Садовяну, *Opere (Собрание сочинений)*, Бухарест, 1959, т. 17, стр. 53.

² Михаил Садовяну, *Цит. статья*, стр. 56.

³ Тудор Аргези, *Ilya Ehrenburg*, „Contemporanul”, nr. 37, 1956.

⁴ Джео Богза, *Ehrenburg*, „Contemporanul”, nr. 37, 1956.

⁵ Ион Витнер, *Ilya Ehrenburg vorbește revistei Orizont*, „Orizont”, I, nr. 21, 1945.

По существу именно этим и объясняется исключительный интерес к идейно-тематическому аспекту эренбургских творений. Идейная острота, боевая злободневность сочинений советского писателя как бы органически вливались в русло той идеологической борьбы, которая велась под руководством нашей партии. В этом мы видим, кстати сказать, и причину некоторых скидок эстетического порядка в хоре восторженных отзывов о романах *Девятый вал*¹ и *Не переводя дыхания*², вызвавших наибольшее количество откликов, хотя они и, по признанию самого Эренбурга, не относятся к числу авторских удач (см. *Люди, годы, жизнь*, книги 3 и 6). Что касается проходивших в СССР, но вышедших за его пределы полемик по поводу эренбургской *Оттепели* и его литературных эссе, то наша критика отозвалась на них только статьёй Н. Т. *Pe marginea unor opinii literare ale lui I. Ehrenburg*, в „Veac Nou“ XIV, 694 (*По поводу некоторых литературных взглядов И. Эренбурга*), представляющей собой сжатое изложение статьи Д. Старикова³. Отклики в нашей печати на книгу мемуаров *Люди, годы, жизнь* были немногочисленны и не очень существенны⁴.

Хотя, как мы показали, большая часть критических отзывов окказиональна и не претендует ни на широкое освещение развития творчества писателя, ни на углубленный литературно-исследовательский анализ, в ряде из них содержатся интересные и ценные замечания, проницательная интерпретация. Мы имеем в виду тонкие наблюдения М. Новикова, Д. Мику, Т. Гане, Т. Николеску, М. Зачу касательно природы таланта писателя, архитектоники его романов, некоторых напрашивающихся литературных сопоставлений и т. д.

Естественно, рамки подобной работы не позволяют, да, думается, в этом и нет необходимости, подробно останавливаться на десятках рецензий и статей. Если же попытаться собрать в букет разрозненные удачные мысли, частные наблюдения, находки, то букет получится слишком пестрым. Самым целесообразным нам показалось остановиться коротко на публикациях исследовательского характера (к сожалению, на сегодняшний день имеется лишь одна статья такого рода, принадлежащая перу М. Новикова⁵) и на тех откликах, которые, представляя то или иное произведение Эренбурга, идут к более широким обобщениям, касающимся творческого таланта писателя в целом. Здесь тоже приходится иметь дело с именами двух-трех критиков. В этой свя-

¹ Выход в свет румынского перевода в 1954 году сопровождался семью статьями и рецензиями в бухарестской печати. Среди них и такие, как литературная хроника Хории Станку: *Al noulea val de Ilya Ehrenburg*, „Gazeta literară“, nr. 5, 1954, преувеличенно возводившая новый роман в степень шедевра, превосходящего в художественном отношении предшествовавшие ему *Падение Парижа* и *Бурю*.

² Роману посвящены появившиеся одновременно в столичной, клужской и ясской прессе пять статей.

³ Д. Стариков, *Необходимые уточнения*, «Литературная газета», № 43, 1958.

⁴ Об этом в буквальном смысле слова шедевре Эренбурга находим только несколько слов Т. Николеску в „Secolul XX“, предваряющих отрывки из книги; упоминается о нём и в юбилейной статье Андраша Силади *A hetvénéves mester (Семидесятилетний мэтр)*, „Utunk“, 10.II.1961, и в некрологе Пала Бодора, опубликованном в „Utunk“, 8 сентября 1967 года.

⁵ М. Новиков, *I. Ehrenburg la 70 de ani*, „Studii și cercetări de literatură și folclor“, Institutul de literatură și folclor al Acad. R.P.R., anul X, nr. 2, 1961.

зи прежде всего можно говорить о статьях Думитру Мику. В статье о *Девятом вале*¹ румынский литератор сосредоточил раздумья на проблемах специфики конструкции романа. Исходя из убеждения в доподлинности фактов и достоверности персонажей, замечая, что приемами киномонтажа писатель объединяет репортаж, памфлет, лирические размышления, политические речитативы и т. д., Мику определяет жанр произведения как современную калейдоскопическую хронику. Этот жанр он считает определяющим не только для Эренбурга, но вообще весьма распространенным и в других европейских литературах. Разбирая роман *Не переводя дыхания*², тот же критик обращает внимание на технику психологической характеристики персонажей. Он констатирует, что, при отсутствии определенного сюжета, а значит, и возможности широкого, эпического развертывания характеров, Эренбург посредством моментальных снимков, обрывков биографий создает полнокровные и обаятельные образы. Весь роман критиком оценен как «...гимн дружбе, сердечности, душевному сближению людей».

Значительным диапазоном критической мысли выделяется и статья М. Зачу³. Из проведенного в историко-литературной перспективе сопоставления романов *День второй* и *Не переводя дыхания* критик выводит пусть не во всем бесспорные, но тем не менее примечательные заключения. Пафос современности он видит в страстном накале и «в сладкой и интенсивной меланхолии» *Не переводя дыхания*, как бы созданного из ряда «тургеневских стихотворений в прозе», и в эпопейном *Дне втором*, «захватывающим своим ритмом, напряженностью, масштабами, сгущенными в почти теллурические энергии». Абсолют времени одинаково проявляет себя, по мнению критика, и «в биении сердца» и «в бое часов».

Исследование профессора М. Новикова, вне всякого сомнения, является наиболее объемистым (полтора-два издательских листа) и наиболее значительным по остроте наблюдательности и широте осмысления по сути дела всего творчества писателя из всего того, что когда-либо писалось в нашей стране об Эренбурге. После небольшого вступления, содержащего весьма меткие оценки таланта Эренбурга, автор прослеживает этап за этапом извилистый путь художника, организуя материал вокруг определенных центральных произведений или проблем. Так, например, стержневым в разборе периода 20-х годов является подробный и компетентный анализ романа *Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников*. Из него выводятся потом соприкасающиеся и перекрещивающиеся линии, ведущие к *Тресту Д. Е.*, *Тринадцати трубкам* и другим сочинениям. В исследовании немало оригинальных, удачных, на наш взгляд, частных определений, формулировок. Так, например, о *Тринадцати трубках* читаем: «Можно сказать, что это своего рода синтез одного периода и вместе с тем начало пути» (стр. 298). Но основное достоинство работы в силе проницательной синтезирующей мысли. Умение одним взглядом охватить многогранное явление, творчество в целом может быть проиллюстрировано хотя бы следующей емкой характеристикой: «От наивной

¹ Д. Мику, *Pe nerăsuflăte*, „Gazeta literară”, nr. 42, 1958.

² Д. Мику, *O carte vie a zilelor noastre*, „Viața Românească”, VII, nr. 10, 1954.

³ М. Зачу, *Ehrenburg și pateticul cotidian*, „Tribuna”, nr. 44, 1958.

радости юноши, который кропает усталые стихи и восхищается ими только потому, что они его, до нелегкого сознания ответственности не только за написанное, но и за ненаписанное» (стр. 294).

Критерии выделения именно этих авторов из числа многих других, писавших об Эренбурге, возможно, несколько субъективны, но небезосновательны.

Смеем надеяться, что наш краткий обзор об Эренбурге в Румынии достаточно убедительно свидетельствует об огромном интересе к творчеству советского писателя, проявлявшемуся с конца 20-х годов, о внимании литературной общественности ко всему, что выходило из-под пера автора *Бури*. По сей день, однако, имеются серьезные пробелы в ознакомлении румынской публики с творчеством писателя. Нам представляется необходимым перевод на румынский язык еще не переводившихся значительных творений 20-30-х годов и качественное улучшение некоторых уже имеющихся переводов. Вместе с тем, опираясь на опыт критики четвертого десятилетия и 50-х годов в освещении облика выдающегося художника слова, сегодня, когда уже приходится иметь дело с завершившимся творческим путем, следует приступить к более аналитическим, полным, объемным исследованиям.

EHRENBURG ÎN ROMÂNIA

(Rezumat)

Articolul constituie un fragment din studiul monografic al autorului, referitor la beletristica lui Ehrenburg, aflat în curs de elaborare.

În introducere, sprijinindu-se pe date, ce-i drept, puțin numeroase, dar elocvente cu privire la creația cunoscutului scriitor sovietic, autorul încearcă să definească atitudinea criticii europene față de Ehrenburg.

De la începutul anilor '20, Ehrenburg a fost considerat peste hotarele țării sale drept un ambasador al culturii sovietice, un mare publicist, un etalon al stării de spirit a intelectualității sovietice.

Pe aceste coordonate generale se plasează și atitudinea publicisticii și criticii literare românești contemporane față de scriitorul sovietic.

Din datele culese de autor reiese că unele opere ale lui Ehrenburg, sau măcar informații cu privire la acestea au fost cunoscute de cititorii români de la sfârșitul anilor '20. Traduceri, în special ale reportajelor scriitorului sovietic, precum și articolele ce-i erau închinat au apărut cu o mai mare intensitate în prima jumătate a anilor '30, când în România ia un avânt deosebit lupta antifascistă. Acestea contribuia în mod egal atât la lărgirea și intensificarea luptei împotriva fascismului, cât și la o cunoaștere mai amplă a culturii sovietice, a realizărilor ei pe plan literar. Unele articole reprezintă adevărate exegeze literare ale unor opere cuprinzând o serie de observații valoroase privind specificul talentului sau particularitățile stilistice ale scriitorului.

După cel de-al doilea război mondial, Ehrenburg a făcut parte din numărul acelor scriitori sovietici care s-au bucurat de mare popularitate în țara noastră. El a fost unul dintre primii soli ai literaturii sovietice care au stabilit contacte directe cu publicul românesc (1945). Glasul lui de tribun a găsit în permanență răsunet în inimile cititorilor noștri, iar personalitatea lui de adevărat militant, după expresia lui Mihail Sadoveanu, a constituit un exemplu pentru scriitorii români.

Aproape toate din cele mai importante creații ale lui Ehrenburg au fost traduse în limba română foarte curând după apariția lor în original, iar în anii din urmă au fost publicate pentru prima oară în țara noastră unele scrieri ale sale realizate în anii '20.

În ultimii 25 de ani în ziarele și revistele românești au apărut zeci de articole și recenzii care, de regulă, au prezentat cititorilor cele mai recente traduceri din operele scriitorului sovietic.

În încheiere, autorul se referă mai pe larg la amplul studiu — deocamdată singurul de acest fel — al lui Mihai Novicov, care se remarcă printr-o tratare de largă perspectivă a activității creatoare a lui I. Ehrenburg.

EHRENBURG EN ROUMANIE

(Résumé)

L'article constitue un fragment de l'étude monographique de l'auteur, en cours d'élaboration, concernant l'oeuvre littéraire de Ehrenburg.

Dans l'introduction, en s'appuyant sur des données, il est vrai peu nombreuses, mais combien éloquentes pour ce qui est de la création de l'écrivain soviétique bien connu, l'auteur essaye de définir l'attitude du monde de la critique européenne à l'égard d'Ehrenburg.

C'est sur ces coordonnées générales que se place aussi l'attitude des publicistes et des critiques littéraires roumains contemporains, à l'égard de l'écrivain soviétique.

Les données recueillies par l'auteur attestent le fait que certaines oeuvres d'Ehrenburg — ou, du moins, des informations les concernant —, ont été connues par le public roumain dès la fin des années 20. Des traductions, surtout d'après les reportages de l'écrivain soviétique, et des articles qui lui rendaient hommage, parurent en plus grand nombre pendant la première moitié des années 30, lorsqu'en Roumanie la lutte anti-fasciste prenait un essor tout particulier. Elles contribuaient à l'extension et le renforcement de la lutte contre le fascisme, autant qu'à une plus ample connaissance de la culture soviétique et de ses réalisations sur le plan littéraire. Certains articles représentent de véritables exégèses littéraires d'oeuvres contenant des observations de valeur, en ce qui concerne le caractère spécifique du talent ou les particularités du style de l'écrivain.

Après la seconde guerre mondiale, Ehrenburg était du nombre des écrivains soviétiques qui avaient joui d'une grande popularité dans notre pays. Il fut l'un des premiers messagers de la littérature soviétique, ayant établi des contacts directs avec le public roumain (1945). Sa voix de tribun a constamment trouvé un écho dans le coeur de nos lecteurs, et sa personnalité de véritable militant — selon l'expression de Mihail Sadoveanu — a été un exemple vivant pour les écrivains roumains.

Presque toutes ses plus importantes créations ont été traduites en roumain, très peu de temps après leur apparition en original et, ces dernières années, certains de ses écrits datant du troisième décennie de notre siècle, ont été publiés pour la première fois en Roumanie.

Durant ces derniers 25 ans, les journaux et les revues de notre pays ont publié des articles et des comptes rendus qui, de règle, présentaient aux lecteurs les traductions les plus récentes des oeuvres d'Ehrenburg.

Pour conclure, l'auteur se réfère d'une manière plus étendue à l'ample étude, pour le moment la seule du genre, de Mihai Novicov, laquelle se fait remarquer par un traitement largement ouvert de l'activité créatrice de I. Ehrenburg.